

**Региональный этап
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2021 г.
ПЕРВЫЙ ТУР
9-11 класс**

Время выполнения заданий первого тура — 90 минут

Уважаемые участники!

**Перед Вами текст, который необходимо проанализировать.
Для этого выполните следующие задания:**

1. Какой подход к пониманию природы неравенства с точки зрения автора наиболее верный? Опираясь на текст, приведите не менее трех обоснований, которые использует автор.
2. Почему автор считает, что неравенство имеет неэкономическую природу? Приведите не менее двух аргументов, подтверждающих ваш вывод.
3. Сформулируйте не менее трех положений, которые можно выдвинуть против позиции автора. Подкрепите их примерами из истории развития общества или его современной жизни, или положениями из истории мысли.
4. Как, по мнению автора, связаны между собой понятия «достоинство» и «неравенство»? Какие аргументы приводятся автором в пользу существования этой связи? Приведите не менее двух аргументов.

В своей работе нумеруйте ответы на задания (чтобы эксперты жюри ясно видели, как Вы справились с каждым из них).

Региональный этап
Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию 2021 г.
ПЕРВЫЙ ТУР
9-11 класс

Неравенство — наиболее фундаментальная и труднопреодолимая проблема всех развитых и большинства развивающихся стран. Её доминирование усугубляется тем, что она легко встраивается во многие другие социальные проблемы и усиливает их. Экономисты используют давно вошедшие в широкий оборот интегральные показатели неравенства, характеризующие уровень расслоения граждан по доходам: децильное соотношение, показывающее во сколько раз 10% наиболее состоятельных людей богаче 10% самых бедных, или коэффициент Джини, варьирующийся от нуля до единицы (от полного равенства до предельной имущественной поляризации).

В России проблемы имущественного расслоения стоят чрезвычайно остро: по неравенству доходов мы относимся к странам с высоким уровнем расслоения и практически не уступаем самым поляризованным обществам. Более того, если мы рассмотрим не неравенство по доходам, а неравенство по богатству, наиболее авторитетный источник — отчет «Credit Suisse» за 2019 год и вовсе помещает Россию на лидирующие позиции в мире по такому показателю, как доля национального богатства, сосредоточенная в руках наиболее обеспеченных граждан.

Неудачи социальной политики во всем мире показывают, что существенные прямые экономические вливания часто не способны поправить положение маргинализированных групп. Это обусловлено тем, что неравенство искажает «социальную гравитацию» групп и отношения между ними. Один из важнейших парадоксов неравенства, затрудняющих его регулирование, состоит в том, что проблемы, в основе которых лежит распределение благ, не решаются простым их перераспределением. Поэтому понимание экономических механизмов неравенства важно дополнить изучением принципов этой измененной «социальной гравитации».

Экономисты сосредоточивают свое внимание прежде всего на перекосах в распределении благосостояния, которые в большинстве обществ достигают масштабов, несоразмерных с предположительной разницей в таланте, способностях и трудозатратах людей, находящихся на разных ступенях социально-экономической стратификации — разницей, которая, в духе меритократических принципов, должна была бы оправдать неравномерный доступ к благам. Иными словами, речь идет о том, что ресурсы распределены *несправедливо*. Те, кто при честных правилах игры должны были бы получить больше благ, получают меньше, чем могли бы, если бы эти правила были по-настоящему справедливыми, тогда как другие забирают себе несоразмерную долю национального пирога благосостояния.

Такой подход уподобляет работу национальной экономики сделке, в которой одна сторона «обсчитывает» другую. Действительно, статистика, к которой прибегают экономисты, ясно показывает нам, что мы живем в обществах, где большинство граждан терпит существенный экономический ущерб

от текущего положения дел, и этот ущерб несправедлив. Данное положение дел само по себе неприятно и, безусловно, несправедливо, но, вовсе не это является главной «пружиной» неравенства, сообщающей ему ту значимость и силу, которая и выводит его на верхний уровень общественно-политической повестки или, в других случаях, приводит к мощным социальным потрясениям и даже революциям.

Подлинная сила неравенства кроется в том, что оно вторгается в человеческую природу и искажает ее, создает непроницаемые, непреодолимые границы внутри обществ, затрудняющие не только социальную мобильность, но и солидарное понимание базовых истин морали и рациональности. Неравенство — это проблема, приведенная к жизни экономическими силами, но в части своих глубинных оснований и наиболее важных эффектов, имеющая неэкономическую природу. Социальные смыслы *достоинства* и *признания*, помещение одних людей «выше» — «над» другими — в результате общественной организации труда и распределения благ, и унижение, которые испытывают те, над кем таким образом доминируют, — формируют основу жизни всех людей, определяя не только их идентичность, но и их способность и волю к действию.

Ричард Сеннетт — социолог-теоретик, изучавший неэкономические основы неравенства, иллюстрирует их важность и глубину, отсылая к трактату о неравенстве Руссо, который впервые сформулировал простую мысль: в основе неравенства лежит зависть, ведь если бы человек был полностью доволен собой и своим положением и не хотел меняться, он бы никому не завидовал. Человек завидует, а потому хочет измениться — перестать быть тем, кто он есть. Простота этой мысли, однако, лишь кажущаяся, потому что зависть эта (а на самом деле гораздо более обширный спектр чувств, от подострастия до презрения) фундаментальным образом встроена в саму конституцию современного человека — в его социальную, когнитивную и даже нейробиологическую природу.

Чтобы продвинуться в понимании этих социальных и психологических оснований неравенства, Сеннетт работает с понятийной парой, введенной Руссо: *amour de soi* — любовь к себе, и *amour-propre* — чувство превосходства и его демонстрация. Сеннетт отстаивает мысль, что капитализм и индустриализация способствовали повсеместному доминированию второго явления над первым и фундаментальному подавлению первого. В силу этого люди оказались уязвимыми и неуверенными в себе, а человеческое достоинство стало предметом «игры с нулевой суммой». Здесь мы имеем дело с основополагающим явлением социальной жизни: неразрывной связью достоинства, в том числе субъективно переживаемого самоуважения, с взаимодействием с другими людьми. Проще говоря: чтобы уважать себя, нам нужна санкция других. Но характер и механизмы этого санкционирования всегда имеют исторически специфический характер, и в наше время попадают под определяющее влияние социально-экономического неравенства.

Каковы эти исторически-специфические социальные основания достоинства? Изучая историю труда, права и социальной политики, Сеннетт приходит к выводу, что понятие «достоинство», в своем исходном виде имеющее прежде всего религиозный смысл, в современности обнаруживает два секуляризованных источника: труд и тело¹.

Следуя в русле этой мысли Сеннетта, можно заключить, что достоинство, исходящее от труда и его плодов, легитимирует «справедливое неравенство»². Этот культурно-экономический комплекс хорошо знаком нам под брендом меритократии, и исторически и культурно связан с капитализмом. К примеру, борьба с рабством — важный катализатор утверждения этой модели в качестве доминирующей: в отличие от предыдущих эпох, лишь в том мире, где труд является источником достоинства, рабство начинает вызывать резкое отторжение. Достоинство, исходящее от труда, таким образом, поддерживает социальную гармонию в меритократических обществах.

Что касается «несправедливого неравенства», достоинство и здесь держит вторую линию обороны, действуя через «социодицею»: тот, кто тяжело работает, но все равно беден, иногда может даже превосходить в достоинстве богатых, особенно если тем богатство досталось даром или обманом. Жертвы экономической несправедливости получают, таким образом, моральное вознаграждение в форме признания и уважения. В наши дни, однако, системно углубляющееся неравенство во многих обществах прорвало и эту линию обороны культурной конструкции достоинства, провоцируя острый кризис социодицеи, что влечет за собой кризис легитимности экономических и политических институтов.

Если обратиться к нашему собственному «культурному коду», в народных сказках бедные часто чисты душой и прекрасны телом, удалы и удачливы, а богатые уродливы и морально сомнительны. В этом тоже можно усмотреть социодицею: пусть жизнь часто несправедлива, более важные вещи, чем деньги, — моральная чистота, здоровье, счастье и в конечном счете симпатии «читателя» на «правильной» стороне. Но правда жизни, увы, не такова. Так, здоровый образ жизни часто остается недоступной роскошью для непривилегированных: неподъемный круг забот оставляет, казалось бы, столь ясные зоны «заботы о себе» за пределами мыслимого³. Циничная постсоветская по-

¹ В основе этих двух категорий отчетливо просматриваются два типа религиозного ведения жизни, выделенные Вебером: мистика и аскеза, потому что тело как сосуд жизни, данной Богом, является неисчерпаемым источником созерцательно постигаемого достоинства, а труд — секулярным воплощением религиозной аскезы.

² Экономисты различают «справедливое неравенство», обусловленное меритократическими принципами распределения доходов при максимальном равенстве возможностей, и «несправедливое неравенство», при котором возможности существенно неравны. Некоторые исследования показывают, что это различие в определенной степени связано с влиянием неравенства на экономический рост и социальное развитие обществ. Так, в странах с высоким неравенством возможностей уровень неравенства негативно связан с экономическим ростом. А там, где возможности почти равны, величина неравенства, по-видимому, не снижает темпы роста.

³ Один из российских ЗОЖ-евангелистов, Илья Переседов, недавно написал: «Если ты худеешь на 20 килограмм или больше — это равносильно, как если бы ты заработал несколько сотен тысяч долларов. Именно в эту сумму тебе обойдется сегодня квалифицированная помощь при болезнях сердца, суставов, диабете и т. д.». Эти впечатляющие и справедливые для состоятельных людей расчеты, однако, неприменимы к жизни

говорка «лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным» олицетворяет приговор этой наивной фольклорной социодицее. То же касается и области морали.

Не менее важная интрига связана со вторым, по Сеннетту, фундаментальным источником достоинства. Достоинство, происходящее из индивидуального тела, — глубоко институционализированное в такой норме международного права, как запрет пыток. Если бы тело не превратилось в нашу историческую эпоху в источник достоинства или ущербности⁴, положение низших социальных слоев не было бы маргинальным и напоминало бы позицию определенных слоев в кастовых обществах — устойчивую и не обремененную экзистенциальной остротой унижения. В современных обществах ситуация прямо противоположна: по сугубо внешним — телесным характеристикам — человек может быть лишен достоинства через многочисленные исключения и «недопуски» — к благам, к социальному участию и даже столкнуться с ограничением в праве на присутствие в определенных уважаемых местах («не прошел фейсконтроль»). И это именно то, что делает неравенство трагичным.

Чем дальше мы продвигаемся в понимании основ неравенства, тем глубже понимаем природу коллективных эмоций, подпитывающих ключевые институты и процессы современной жизни. К примеру, именно отчаяние перед лицом калечащего людей неравенства, вошедшего в плоть и кровь и сковывающего даже волю и способность к освобождению, стоит за эмоциональным накалом нынешних протестов движения Black Lives Matter в США или «желтых жилетов» во Франции.

В первой половине XX века Марсель Мосс показал, что власть социальных фактов над индивидом столь велика, что, например, в первобытных обществах нарушение незримых и, казалось бы, эфемерных священных запретов часто приводит к быстрой смерти вполне здоровых людей, и это хорошо задокументировано во многих этнографических источниках...

Неравенство в наши дни обладает такой же *убийственной* силой: во всех странах бедные и необразованные люди в среднем умирают намного раньше богатых, образованных и благополучных. Их жизни менее «ценные», как бы эта «ценность» ни оценивалась: по количеству денег, какое государство готово потратить на их лечение и которое считается «социально приемлемым»; по тем рискам для жизни, на которые они вынуждены идти, чтобы прокормить свои семьи (от вредного производства до участия в военных конфликтах в качестве бойцов частных военных компаний); по субъективным ощущениям и оценкам, по становящемуся рутинным уровню рисков для здоровья и жизни,

людей небогатых: как для них самих, так и для бюджетной медицины эти расходы остаются далеко за пределами возможных и социально одобряемых трат и потому являются фикцией.

⁴ В Соединенных Штатах, например, социально-экономическое положение человека с большой вероятностью можно определить уже по его телосложению. Вы не видите чековой книжки того, кто перед вами, но по тому, строен он или тучен, во многих случаях можете сделать статистически обоснованное предположение о том, к какой социальной страте он принадлежит.

по унижительной организации жизненного пространства (например, уличные туалеты в школах и домах).

Различия в продолжительности жизни социально-экономических групп давно стали предметом пристального интереса демографов. Люди живут дольше или короче, в зависимости от страны или даже региона проживания (в России разница ожидаемой продолжительности жизни между регионами достигает почти 16 лет для мужчин и 10 лет для женщин), в зависимости от экономического положения, но особенно от уровня образования. Иными словами, мы имеем дело с более глубокими различиями, нежели те, которые можно было бы объяснить разницей в качестве еды и медицинского обслуживания: скорее всего, различие пролегает еще и в самом способе ведения жизни и ее восприятии, в расстановке базовых приоритетов, в ценности жизни.

Подлинная трагедия неравенства связана с тем, что количественные различия, о которых нам говорят экономисты, переходят в качественный разрыв между большими социальными группами, и этот разрыв, во-первых, формирует смысловую основу жизни и самопонимания людей, влекущую их к фундаментальной уязвимости и внутренне противоречивой идентичности, а во-вторых, выражен в экзистенциальных терминах, то есть связан с жизнью и смертью.

Есть много свидетельств, что и неравенство, и бедность имеют существенный деструктивный потенциал. Однако стоит подчеркнуть, что в сравнительной макроэкономической перспективе можно усмотреть существенные подтверждения влияния именно неравенства на наиболее острые социальные проблемы. Например, анализ данных демонстрирует, что такие показатели, как средняя продолжительность жизни, здоровье и качество медицинского обслуживания, уровень доверия, масштабы преступности и других социальных проблем, коррелируют именно с уровнем неравенства в стране и, напротив, не обнаруживают ясной статистической связи с уровнем благосостояния.

Культура возвращается в исследования неравенства в качестве ключевого элемента «на плечах» изучения когнитивных процессов. Когда люди принимают ключевые решения, определяющие их будущую карьеру и жизнь, оценивать ситуации «с нуля» слишком когнитивно дорого, и поэтому в своих суждениях и действиях люди пользуются когнитивными «схемами». Эти схемы всегда содержат установки, связанные с неравенством. А элементы когнитивных схем неизбежно являются частями «уравнений», которое люди решают, когда принимают кого-то на работу, совершают финансовый или потребительский выбор, поэтому решения этих уравнений неизбежно ведут к воспроизводству неравенства.

Исследователи установили, что стесненные жизненные обстоятельства и трудности, связанные с недостатком разного рода ресурсов, приводят к ярко выраженным и в основном негативным эффектам, таким как ослабление когнитивного контроля, ухудшение рабочей памяти и сужение когнитивной полосы восприятия. Это и апатия, нерешительность и безразличие к учебе и достижениям, иногда кристаллизирующиеся в антишкольной культуре, и многие

другие, очевидные с точки зрения исследователей «просчеты» представителей уязвимых групп в экономическом поведении, карьерных стратегиях и жизненном планировании.

Исследователи отмечают, что бедные часто живут в состоянии хронического стресса, способствующего тому, чтобы они дисприоритизировали собственные стратегические и долгосрочные нужды. Это позволяет понять, почему люди, находящиеся в стесненных обстоятельствах и в условиях неопределенности относительно жизненно важных обстоятельств, часто ведут себя «умно на пенни, но глупо на фунт». Если человек находится в ситуации, когда ему достаточно один раз заболеть, чтобы лишиться трудоспособности, или один раз не заплатить за квартиру, чтобы оказаться на улице, то власть этих шоковых событий воцаряется в жизни людей, даже если сами эти устрашающие события так никогда и не происходят — и это оказывает негативные воздействия на все прочие жизненные решения.

Культурно-когнитивные комплексы проявляют себя в сильно различающейся эмоциональной разметке, придающей смысл и притягательность тем или иным репертуарам действий. Из своего социального опыта мы хорошо знаем, что, например, там, где одни самозабвенно «вгрызаются в гранит науки», другие видят лишь скуку и тяготы, и в итоге это сказывается на успехе в учебе и построении карьеры. Как минимум начиная с работ Бурдье, социологам хорошо известно, что люди с разным классовым бекграундом, сидящие за одной партой в университете, часто делают разительно различающиеся карьеры. Социально обусловленная эмоциональная конституция действия может оказаться ключом к этим процессам.

Для понимания неравенства это имеет ключевое значение, поскольку позволяет на микроуровне объяснить общность между престижем привилегированного социального положения и успехами в учебе и построении карьеры, многократно подтвержденную на макроуровне, например, в форме первичных эффектов неравенства и в классово-специфичных паттернах учебной вовлеченности.

В исследовании учеников элитных московских школ было показано, что в этих школах вовлеченность в эксцентричные, выраженно-интеллектуальные и лишённые всякой прагматики формы действия является одним из основных поведенческих паттернов. Фактически иногда они выглядят как социально-одобряемая «интеллектуальная одержимость»⁵. В противоположность этому выпускники основной школы, которые после 9-го класса пошли в учреждения СПО, рассуждают и действуют совсем по-другому: они пытаются выбрать выгодную специальность. Так, абитуриенты и молодые студенты колледжей иногда вычисляют, какие специализации подготовки номинально покрывают большее число профессий, считая, что такая калькуляция делает их образование более выгодным, по принципу: если одно и то же число потраченных лет

⁵ Один из информантов рассказывает: «Ты в какой-то момент тут во что-то влюбляешься — в литературу, в музыку, в историю. Ты в этом направлении, как крот, работаешь. Ты ходишь с книгой по Москве, и все на тебя смотрят как на дебила, но это хорошо».

и рублей ведет к приобретению большего числа профессий, то и выбрать следует его⁶.

В первом случае мы видим мощное эмоциональное инвестирование в предметы, связанные с познанием и учебой, которые, вероятно, смогут стать эмоциональными драйверами, хорошо конвертируемыми в построение успешной образовательной траектории. Тогда как во втором случае «рефлексивный подход» к образованию и карьере не опирается ни на какие эмоциональные драйверы.

В образовании связь между коллективными эмоциями, определяющими статус и престиж, и теми, что стоят за личной мотивацией и одухотворенностью, выражена очень сильно. Не потому ли многие современные университетские кампусы напоминают по своей архитектуре средневековые монастыри, представляя собой исключенные из окружающего ландшафта пространства? Эта исключительность и внеобыденность университета противостоит будничным городским пейзажам как сакральное пространство — профанному, создавая мощный эмоциональный заряд. Согласно дюркгеймовской теории эмоций, подобно сакральным объектам и ритуалам «первобытных» обществ, интенсивные коллективные эмоции, сконденсированные в этих внеобыденных ландшафтах и царящих там особых традициях, способны создавать у вовлеченных в них участников особые состояния сознания, которые могут конвертироваться в интерес к науке. И во «взрослой жизни» эмоции также являются ключевым измерением неравенства. Прежде всего это связано с феноменом признания. Новые культурсоциологи неравенства утверждают, что *распределение и признание* — это два его базовых измерения.

Выстроенная таким образом перспектива позволяет увидеть, как неравенство влияет на качество и ценность жизни, и даже на ее «количество»; на социальную мобильность и способность людей управлять своей жизнью и менять ее к лучшему; на связность общества, возможности и препятствия для формирования единой, открытой для всех культурной среды, включая действенный моральный и когнитивный консенсус и возможности для элементарной эмпатии; на формирование идентичности, достоинства и признания и на то, как они связаны со стратегиями действия и их успешностью.

Неравенство калечит и расчеловечивает не столько из-за бедности и лишений, сколько из-за глубоко амбивалентного, внутренне противоречивого и отрицающего самое себя положения людей. Эта амбивалентность и влекомые ею глубоко расщепленные социальные основания жизни человека не позволяют ему выстроить позитивную и внутренне непротиворечивую идентичность и самопонимание, затрудняет следование ясным моральным и эстетическим канонам и попросту закрывает людям дорогу к тому, что Аристотель называл прекрасной жизнью, а Агамбен жизнью, достойной быть прожитой.

⁶ Респондент объясняет: «Там было множество специальностей, но есть дорожный механик, и есть просто автомеханик. Дорожный механик, как бы более расширено. И я в девятом классе советовался с дедушкой и с дядей. И дедушка сказал: „Эта специальность более расширена. Поступай туда“. Ну я, послушав взрослых, поступил именно на дорожно-механическое».